

ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 159.95

М. О. Аванесян

РОЛЬ ОБРАЗОВ В ПОНИМАНИИ МЕТАФОРЫ

Метафора — удивительный языковой феномен, который на поверку оказался одним из существенных принципов организации познавательной деятельности человека [1, 2]. Информативная и конструктивная емкость метафоры указывают на то, что значительная часть ее структуры существует имплицитно, то есть в неявном виде [3]. Автор метафоры устанавливает связь между двумя понятиями, предлагая реципиенту самостоятельно догадаться об их сходстве, реконструировать логику автора и выстроить смысл метафорического сообщения.

Вспомогательное понятие метафоры, которое привлекается для передачи необходимой информации об основном, в англоязычной литературе образно называют *vehicle*, что обычно переводится по-русски как «транспорт». Это название отражает идею, заключающуюся в том, что вспомогательное понятие *переносит* смысловое содержание, которое даже без развернутого вербального описания схватывается реципиентом и используется им в процессе реконструкции смысла метафоры. Заметим, однако, что *vehicle* можно перевести и как «средство». Такой перевод усиливает идею посредничества, которое выполняет вспомогательное понятие. По мнению М. Блэка, «недостатки буквальной парафразы заключаются в том ..., что она лишена того проникновения в суть вещей, которое свойственно метафоре» [4, с. 169]. «Перефразируйте метафору, — пишет Барфилд, — и вся ее неопределенность и неточность исчезает, а с ней — и половина поэзии» [5, с. 189].

Мы предполагаем, что высокая смысловая насыщенность метафоры обусловлена активным участием образных структур в процессах ее создания автором и реконструкции ее смысла реципиентом. Образный язык психики воплощает связи и отношения между объектами в форме симультанно-пространственных гештальтов в отличие от вербального языка, который расчлняет данные структуры и раскрывает связи и отношения между объектами, оперируя соответствующими им символами. Образному языку, которым психика пользуется как основным, свойственны симультанность и целостность представления, словесному языку — развернутость во времени и дискретность [6]. «Универсальным способом внутриспсихического предъявления информации обладателю психики является ее оформление в виде *образа* ощущения или восприятия, если нечто здесь и сейчас воздействует на его органы чувств, или же в виде *образа*

представления, если информация актуализируется, извлекаясь из внутренних источников» [7, с. 111]. Говоря об образах представления, отечественные психологи имеют в виду как образы памяти, в которых воспроизводится опыт человека, так и образы воображения, в виде которых на основе предыдущего опыта происходит конструирование новых информационных структур. В западной психологии для обозначения образов представления используется понятие «умственных образов» (mental imagery), которое сейчас употребляется и в русскоязычных текстах. Под умственными (синонимы: ментальные, мысленные) образами, по определению А. Ричардсона [8], понимают все виды квазисенсорного или квазиперцептивного опыта, знакомого нам благодаря самосознанию и появляющегося у нас при отсутствии исходных стимульных условий. «Мысленные образы являются эффективным инструментом для извлечения из памяти информации ..., которая никогда не кодировалась в явном виде», то есть вербально [8, с. 32].

Роль ментальных образов является одним из предметов спора при изучении метафоры, потому что основу ее исследований заложили лингвисты, которым до конца не понятна психологическая специфика данных явлений. Лингвисты чувствуют, что эти образы имеют большое значение, но психологическая суть образного языка остается им, как представителям другой специальности, неоткрыта. Поэтому в работах, посвященных метафорам, встречаются прямо противоположные мнения о роли образов. Одни авторы приписывают им центральную роль в создании и понимании метафор, другие, наоборот, утверждают, что образы являются вторичным или даже побочным моментом в понимании метафоры. В западной литературе принято различать два типа теорий метафоры — образные и пропозиционные¹ [9]. Согласно образным теориям, метафора скорее вызывает определенные эмоциональные реакции и мысленные образы, связанные с буквальным значением слов, а не сообщает собственное когнитивное содержание [5, 10]. Пропозициональное направление представлено множеством когнитивных теорий, согласно которым метафора служит для передачи некоторого когнитивного инварианта [11, 12], а образный компонент является побочным продуктом, выражающимся в возникновении ярких «картинок», сопровождающих понимание метафоры (например, когда говорят, что кто-то кипит от гнева, то в сознании реципиента возникает образ кипящих и клопочущих внутри человека чувств).

Ряд психолингвистических экспериментов, направленных на изучение динамики процесса понимания метафоры, показывает, что буквальное значение метафоры всегда изначально включено в ее понимание даже в сильном контексте, актуализирующем именно переносное значение, и, что немаловажно, буквальное значение остается включенным дольше, чем это необходимо, то есть уже после того, как произошла интерпретация [9]. Важность «буквального следа» для понимания метафоры становится более очевидной в случае понимания художественных метафор и метафор, элементы которых рассредоточены в больших отрывках текста.

Р. Карстон [9] вслед за М. Дэвисом [13] выдвигает предположение, что существуют две стратегии обработки метафор. Разница между ними состоит в степени временных и энергетических усилий, затрачиваемых на ментальное «рассматривание» образов, которые реконструируются во внутриспсихическом пространстве реципиента по ходу восприятия метафорического высказывания. В первом случае человек улавливает

¹ Image theories and proposition theories.

общую суть сообщения, согласно принципу предвосхищения содержания, на котором основано любое понимание. Во втором случае понимание приводится в соответствие с буквальным значением слов [9].

М. Осорина исследуя то, как образный язык включен в работу понятийной мысли, выявила несколько типов такого рода образных структур: 1) конкретно-ассоциативные образы; 2) конкретно-символические образы, связанные с элементами обобщения содержания понятия; 3) культурально принятые образные символы; 4) образные модели и схемы; 5) чувственно-эмоциональные образы, которые строятся на основе сенсорных и эмоциональных впечатлений субъекта [14]. Данная типология существенно дополняет представления западных исследователей, которые под образами (*imagery*) часто имеют в виду «мысленные картинки» только визуальной модальности. М. Холодной [15] было показано, что чувственно-сенсорные образы чаще активизируются в группе понятий с низкой, высокой и максимально высокой степенью обобщенности. По ее мнению, именно представленность в составе понятийной психической структуры когнитивных схем разной степени обобщенности обеспечивает эффект визуализации содержания понятийной мысли. «Понятийная структура, следовательно, выступает как результат интеграции словесно-речевых и образных компонентов ментального опыта. Эта особенность ее структурной организации и является, по-видимому, психологической основой предметного характера понятийного отражения» [15, с. 124].

Макгинн [9] утверждает, что образ — это сплав концептов, мыслей или утверждений, задействованных одновременно. В частности, одним из его аргументов против концептуальной теории является то, что она не может предложить эквиваленты сенсорных характеристик изображения (таких как его цвет, форма, текстура). Приведем пример, который использует в своей статье Р. Карстон [9]. Депрессия сравнивается с тяжелой влажной жабой, сидящей на голове (образ из рассказа Джоуи Хеллер). Это вызывает настолько яркие образы, что они мешают созданию обобщенного концепта смысла метафоры. Возникшие невербализуемые представления, связанные с образом жабы, позволили передать чувство *тяжелой* безнадежности и *инертности*, которые типичны для депрессии, но при этом они не являются компонентом наших энциклопедических (концептуальных) знаний о жабах.

Исследователи-экспериментаторы, говоря о психических образах, как мы отмечали ранее, чаще всего подразумевают образы восприятия и представления. Поэтому правомерно будет начать с обращения именно к этому виду образов и попытаться ответить на вопрос, какова их роль в понимании метафорического выражения.

Исследования в области психолингвистики позволили получить эмпирические доказательства того, что даже в процессе осмысления буквального, неметафорического, языка психические образы вызываются неизбежно, мгновенно и без особой сознательной осведомленности [16]. У. Хортон [17] провел ряд экспериментальных исследований, целью которых было определить, как актуализация перцептивных знаний влияет на понимание метафор. Он выделил несколько градаций образных сравнений в зависимости от степени прямого перцептивного сходства отождествляемых в метафоре понятий. Полученные результаты показали, что время реакции при предъявлении картинки, связанной с темой метафоры, было значимо меньшим только для перцептивных сравнений и только в том случае, когда они сопровождалась картинками, соответствующими сравнению (например, изображение извивающейся змеи, а не изображение просто головы змеи, ускорило постижение смысла сравнения «веревка как

змея», но никак не влияло на понимание смысла сравнения «адвокат как змея» или «дорога как змея»).

Д. Ричардсон и Т. Мэтлок [18] предложили новый взгляд на проблему соотношения сенсорно-перцептивного стимулирования и метафоры. Они использовали особый вид переносных пространственных выражений так называемого фиктивного движения (ФД, *fictive motions*), с глаголами движения без описания самого движения (например, «дорога, идущая через лес», «забор, следующий за домом»). Для данных выражений были подобраны синонимичные высказывания с буквальным смыслом: «дорога через лес», «забор за домом». Участникам эксперимента предлагались достаточно простые изображения траекторий (дорога, река, трубопровод), и аудиально предъявлялись выражения с глаголами ФД и без них. В первом случае рассматривание картинок занимало больше времени и сопровождалось более частыми фиксациями в зоне траектории. Авторы выдвинули гипотезу о том, что понимание выражений с глаголами фиктивных движений способствует непосредственной ментальной репрезентации данных движений, соответственно, данная двигательная репрезентация влияет на то, как зрительная система анализирует и сканирует мир.

В исследовании Р. Гиббс [19] участникам предлагалось записать все мысленные образы, которые возникали у них, когда им предъявлялось три типа высказываний: пословицы (например, *катящийся камень не обрастает мхом*), новые буквальные выражения (*крутящееся колесо не собирает грязи*) и формулировки переносного смысла пословиц (*человек, который не остепеняется по жизни, имеет мало пожитков*). Выяснилось, что мысленные образы, возникающие в ответ на предъявление пословицы, отличаются большей согласованностью и сходством у разных людей, чем образы, возникшие в ответ на другие высказывания (например, в случае с пословицей *катящийся камень не обрастает мхом*, большинство людей описывали камень как круглый и гладкий, катящийся по ухабистому склону зеленого холма).

Благодаря чему в метафоре происходит проецирование одной области опыта на другую? Согласно общепринятой лингвистической теории, метафора, наряду с метонимией, считается единственным каноническим, «законным» механизмом сдвига значения [20]. Принадлежность объектов метафоры к разным предметным областям — своеобразный маркер, дающий возможность проследить вклад компонентов каждого из объектов в создание нового, метафорического значения высказывания.

Исследования показали, что дети в возрасте до года способны опознавать варианты простых перцептивных паттернов, однако только в возрасте приблизительно десяти лет они могут точно указать на связь между двумя значениями метафоры, например, твердые вещи и твердые люди — те, которые не поддаются воздействию. Таким образом, понимание связи между буквальным и переносным значением формируется в более позднем возрасте [21].

На основе стратегий объединения двух планов метафоры Виннер, Розенштиль и Гарднер [21] выделили четыре уровня понимания метафоры детьми в возрасте 6–14 лет:

1. *Магическая интерпретация* включает буквальную интерпретацию, где правдоподобность достигается за счет создания магического мира, в котором не работают законы естественного мира.

2. При *метонимической интерпретации* оба термина метафоры перефразируются так, что могут интерпретироваться буквально, но без изменения законов естественного мира, правдоподобность достигается за счет сближения, но не идентификации.

3. *Примитивная метафорическая интерпретация* проявляется в том, что, хотя выражение и интерпретируется не буквально, слово с двойным значением все же сохраняет свое буквальное значение.

4. *Истинно метафорическая интерпретация* заключается в том, что слово с двойным значением интерпретируется в метафорическом значении.

Изначально детям доступно лишь физическое значение слова. Семи- и восьмилетние дети способны понять психологическое значение слова, но делают это без связи с физическим значением и настаивают на том, что этой связи нет. Только дети более старшего возраста могут точно указать на связь между двумя значениями, например, твердые вещи и твердые люди — те, которые не поддаются воздействию. Таким образом, для понимания метафоры мало быть осведомленным о мире ментального и мире физического, необходимо уметь объединить их в едином смысловом пространстве.

Метафора позволяет реципиенту, опираясь на конкретно-чувственный опыт взаимодействия со средой, структурировать и осваивать более абстрактные и обобщенные области знаний. Так, например, понимание баланса в зрительном восприятии, логике, психологических процессах и других сферах опыта основано на опыте телесно-кинетиического переживания равновесия [2]. Однако данное свойство метафоры представляет трудность для начинающего интерпретатора, каковым является ребенок, так как объединить нужно связь разнокачественных понятий (например, из мира психического и мира физического).

Можно отметить, что в современной теории метафоры в настоящее время нет единой точки зрения на роль образов в понимании метафоры. Перспективно мнение Р. Карстона [9] о двух стратегиях понимания метафоры — пропозиционной и образной, которые в некоторых случаях могут чередоваться друг с другом. Однако можно предположить, что в понимании метафоры, как и в решении любой мыслительной задачи, одновременно участвуют два языка — образный и словесный, которые находятся в динамичном взаимодействии, являясь взаимообратимыми, но при этом не эквивалентными друг другу [6]. Следует учитывать, что образы, участвующие в реконструкции метафорического смысла, могут относиться к разным уровням общения и модальности.

Целью нашего исследования было изучение влияния эмоционально-чувственных компонентов вспомогательного метафорического понятия на развертку темы метафоры и актуализацию того или иного аспекта ее значения.

Для достижения цели были сформулированы следующие *задачи*:

1. Выявление особенностей актуализации психологического содержания вспомогательного понятия в зависимости от того или иного контекста.
2. Определение влияния эмоционально-чувственных характеристик образа вспомогательного объекта на полноту понимания метафоры.
3. Выделение стратегий связывания метафорического и буквального смыслов метафоры, то есть перехода от концептуальных и эмоционально-чувственных характеристик вспомогательного понятия к итоговому смыслу метафорического выражения.

Описание методики «Определение значения выражения и его этимологии» и процедура исследования

Респонденты получили задание ответить на два вопроса: «Что означает выражение ...?» и «Почему так говорят?». В качестве стимульного материала были использованы пять словосочетаний, содержащих общее определение, включенное в разные вербальные контексты: «острый ум», «острое слово», «острый взгляд», «острая память», «острая проблема». В исследовании участвовали 25 человек в возрасте от 18 до 26 лет.

Качество «острый» относится к области предметного мира, а остальные понятия, составляющие с ним пары, являются более абстрактными и принадлежат к другим семантическим областям. Каждый из нас имеет опыт взаимодействия с острыми предметами и знает, какие они на ощупь и для чего их можно использовать. Основное свойство острого предмета — проникать вовнутрь, прокалывать, разрезать, то есть нарушать целостность другого предмета, проходить в/через него. Этим свойством обладают различные инструменты и орудия, что позволяет с их помощью легко и быстро совершать необходимую работу. Субъективно острые предметы могут переживаться как способные ранить, причинять боль или даже убивать.

В случае метафорического переноса наиболее типичные характеристики или коннотации вспомогательного объекта (свойства), выступают в качестве призмы, сквозь которую реципиент смотрит на основной объект [4]. В настоящем исследовании качество «острый» (домен источника) является инвариантом, который будет определять развертку основного понятия метафоры (ум, взгляд, память, проблема, слово — домены цели). Данное утверждение соответствует современному представлению о механизме работы метафоры [1, 11] — однонаправленном структурировании доменом источника домена цели (structural mapping). Однако теория предлагает максимально обобщенное описание механизма проецирования без учета микропроцессуальной динамики процесса понимания и предполагает значение проецируемого домена-источника неизменным.

В нашем исследовании мы исходили из того, что варьирование контекстов — доменов целей — при сохранении инвариантным домена источника позволит нам выявить особенности развертки: 1) концептов основных объектов, 2) концепта повторяющегося вспомогательного объекта. Таким образом, данная организация стимульного материала позволит увидеть как общие закономерности организации итоговой смысловой репрезентации, так и особенности каждого случая.

Качественный анализ полученных данных

Вопросы открытого типа позволили получить разнообразные ответы, которые были проанализированы с учетом целей исследования. Были выделены параметры, повторяющиеся по каждому из пяти метафорических выражений. Полученные параметры были описаны без учета единого уровня обобщения, однако именно такой метод обработки данных позволил учесть их качественное своеобразие.

В частности, для выражения «острый ум» были выделены параметры: «быстро» (68% ответов респондентов), «лучшее решение» (40%), «необычно, недоступно для других» (40%), «точно» (24%), «детали и нюансы» (20%). Почти все респонденты использовали для объяснения значения выражения фрейм задачи (проблемной ситуации) и ее решения.

Для выражения «острое слово» — «неприятное, язвительное» (84%), «меткое, точное» (36%), «уместное, удачное» (16%), «подмечающее недостатки» (16%).

Для выражения острый взгляд — «отражает отношение» (44%), «внимательный, замечаящий детали» (32%), «видящий суть» (28%), «пронзительный» (24%), «пристальный» (20%), «быстрый» (20%).

Для выражения «острая память» — «четкость» (32%), «вспомнить в нужный момент» (28%), «большой объем» (28%), «помнить детали» (16%), «надолго» (8%), «важность» (8%).

Для выражения «острая проблема» — «актуальная, требующая быстрого решения» (96%), «важная» (12%), «негативные последствия» (28%), «сложная, требующая дополнительного ресурса» (28%), «волнующая» (20%).

Анализ параметров показывает, как содержание понятия «острый» определило развертку основных концептов метафоры. Можно предположить, что это влияние осуществляется «снизу вверх», то есть за счет активации кинестетических схем, связанных с действиями с острыми предметами, свойств острых предметов и эмоциональных коннотаций, которыми обладает понятие «острый» («волнующий», «неприятный»).

Обобщенные и схематизированные свойства «острого» интерпретируются уже в терминах основных понятий метафоры. Например, такое свойство острого как точность в ответах респондентов проявилось следующим образом:

Острый ум	—	проникает в суть
Острое слово	—	точно формулирует подмеченное
Острый взгляд	—	видит суть, детали
Острая проблема	—	требует быстрого разрешения (здесь-и-сейчас)
Острая память	—	актуализирует нужное в нужный момент (здесь-и-сейчас)

Можно заметить, что пространственная характеристика (точность) в некоторых случаях превращается во временную — как точка на временной оси (например, «острая память» и «острая проблема»).

Закономерно было бы предположить, что осознанность чувственно-эмоциональной составляющей концепта «острый» будет способствовать более полному и точному определению смысла словосочетания. Однако анализ полученных данных показал, что это не всегда так. Нами были выделены четыре группы ответов на вопросы «В чем смысл словосочетания?» и «Почему так говорят?» При этом учитывалось, отразил ли респондент в определении основные признаки метафорического понятия и осознал ли взаимосвязь физических характеристик «острого» и метафорического значения выражения. Для ясности классификации, примеры к каждому типу будут приведены на материале одной метафоры — «острый ум».

1-й тип ответов характеризуется неполным пониманием смысла высказывания и отсутствием проработки физического аспекта понятия «острый» или выделением только одного, значимого с субъективной точки зрения эмоционального или сенсорно-перцептивного переживания. Вспомогательный и основной объекты в таком случае могли объединяться респондентом по случайному, субъективному признаку. Приведем пример ответа, отнесенного к 1-му типу: «острым умом обладает увлеченный идеей человек, начитанный в своей области, способный к критике себя» (ж., 20 л.). Этот же респондент на вопрос «Почему так говорят?» отвечает, что «чем больше человек

знает, тем более парадоксальные идеи он выдвигает, это может ранить самолюбие и пошатнуть картину мира неуверенного консерватора, что опасно (поэтому острый)» (ж., 20 л.). Бросается в глаза внутренняя несогласованность объяснения метафоры и его вторичность по отношению к определению, в котором респондент описывает свое представление о человеке, обладающем острым умом — своего рода собирательный образ интеллектуала. Для респондентки «острый» — это, прежде всего, опасный, способный причинить боль, что отразилось в ее ответах на другие стимульные метафоры.

2-й тип ответов характеризуется раскрытием основного значения выражения, но (как и в ответах первого типа) отсутствием проработки физического аспекта понятия «острый» или выделением его незначимого в данном случае свойства. Например, респондент дал определение «острому уму» как «особенности мышления, при которой человек быстро находит выход из ситуации, решение проблемы; это стремительное решение» (ж., 18 лет). Однако на вопрос «Почему так говорят?», он ответил: «Потому что есть заметная особенность у группы людей, острый, потому что есть вершина, есть направление» (ж., 18 лет). Этимология выражения была подогнана уже под сложившееся понимание и является не схемой сенсорно-чувственного представления понятия «острый», а схематизацией уже данного самим респондентом определения: выход (из ситуации) ассоциируется у респондента с направленностью вовне.

3-й тип ответов характеризуется тем, что в них раскрыт физический аспект значения слова «острый», но при этом дано неверное определение самой метафоре. Одним из возможных объяснений этого может быть рассогласованность образного и вербального языков психики, неточность перевода с одного языка на другой. В таких случаях респондент улавливает свойства острого в физическом мире, но неверно переводит их в вербальную форму относительно свойств основного понятия (например, ума). Данный тип ответов довольно интересен, поскольку позволяет понять, как именно происходит структурирование области основного понятия с помощью вспомогательного. Фактически, это ошибка структурного проецирования (*structural mapping*). Так, ища причину того, «почему так говорят», респондент рассуждает: «Рассмотрим словосочетание по частям, “острый” — антоним “тупой”, как противопоставление: а острый ум — как что-то очень точное, метко попадающее в поставленную цель, поражающее ее» (ж., 22 г.). Казалось бы, область вспомогательного понятия хорошо обследована, в ней выделены существенные признаки, однако определение, данное респондентом, не является полным: «острый ум — это качество человека, его способность найти подходящие слова в *короткий промежуток времени*; слова, на 100% соответствующие данной ситуации данным обстоятельствам». Что же произошло в данной ситуации, почему «острый ум» превратился в «способность найти подходящее слово»? Респондент, правильно найдя образный паттерн кинематики острого, не смогла правильно спроецировать его на область «ума». Причиной этого может быть то, что у нее априори сформировано представление о человеке с острым умом как о том, кто способен четко формулировать мысли. То есть причиной недопонимания стало изначально недифференцированное содержание понятия «ум», что привело к невозможности проецирования на него представлений об остром. Данный вывод является предварительным, так как сделан на основе небольшого количества ответов, однако отметим, что он противоречит общепризнанной позиции, согласно которой в метафоре не только актуализируются уже дифференцированные и выделенные в прошлом опыте свойства основного

объекта, но и создается сравнение², то есть выделяются его потенциальные свойства. В любом случае у реципиента должно быть заранее сформированное достаточно подробное представление об основном объекте метафоры, чтобы он мог с помощью метафоры «посмотреть на него по-другому».

4-й тип ответов характеризуется как полнотой раскрытия значения самого метафорического высказывания, так и улавливанием эмоционально-чувственного компонента домена источника («острого»). Эмоционально-чувственные образы, связанные со вспомогательным понятием «острый», создают схему значения и определяют направление мыслительного поиска в зоне определяемого понятия («ума»). Вслед за этим происходит развертка основного объекта в его предметной области. Например, «острый ум — это умение быстро и точно вникать в суть вещей, видеть связи». Происхождение выражения «острый ум» респондент объясняет тем, что острый ум как «прокалывающий, разрезающий ткань, скрывающую истину» (м., 18 лет). В сенсорно-перцептивном образе острого не указаны ни суть, ни связи, но респондент знает, что мышление — это нахождение связей, поэтому найденный образ дорабатывается уже в семантическом поле «ум».

Основные выводы

1. Выражение «острый ум» хорошо известно взрослым носителям русского языка. «Острый ум» определяется в словарях как пронизательный, хорошо воспринимающий ум («Толковый словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой); ум, характеризующий человека, который быстро понимает то, что изучает, обладает развитым интеллектом («Толковый словарь русского языка» под ред. Д. В. Дмитриевой). Многие респонденты способны указать так называемое конвенциональное значение выражения, которое они многократно встречали в разных контекстах. Правильные определения, сопровождающиеся «неправильными» обоснованиями, вероятно, можно объяснить хорошей социальной адаптированностью и осведомленностью реципиента.

2. Понимание метафоры требует определенного объема знаний, касающихся ее основного объекта. В метафоре одно понятие интерпретируется через другое, но все равно понимание основного объекта разворачивается уже в его собственной предметной области. Поэтому мы считаем, что необходимо пересмотреть идею «бленда», то есть смешения ментальных пространств двух метафорических понятий и идею «проецирования», которые не заземлены на основное понятие метафоры.

3. Качество проработки конкретно-образного материала домена источника во многом определяет полноту понимания метафоры, обеспечивая респондентов обобщенной схемой, на которую наращивались знания из домена основного объекта. Ошибки понимания часто вызываются застреванием на конкретных эмоционально-чувственных образах, которые уведут реципиентов в сторону от обобщенного кинестетического паттерна, выступающего в качестве направляющей оси понимания (своего рода аналог полезависимости как когнитивного стиля). Только общих ассоциаций, сходных для обоих метафорических понятий недостаточно для понимания метафоры, необходима некая детерминирующая тенденция, которую определяет «транспорт».

4. Для того чтобы понять метафору, необходима «настройка» на то, что существует связь между «чувственным миром реальности» и «миром идей».

² Иногда говорят о создании в метафоре нового концепта (ad hoc concept) [9, 12].

В заключение отметим, что метафора является перспективной моделью для изучения обоих языков психики, позволяя увидеть «стык» их взаимодействия и позволяя приблизиться к тому, каким образом во внутриспсихическом пространстве строится ментальная репрезентация смысла и осуществляется понимание.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
2. *Johnson M.* The body in the mind. The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. 1990.
3. *Симашико Т. В., Литвинова М. Н.* Как образуется метафора: деривационный аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 218 с.
4. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–173.
5. *Дэвидсон Д.* Что означают метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 173–194.
6. *Веккер Л. М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. СПб.: Смысл; Per Se, 2000. 685 с.
7. *Осорино М. В.* Пространственная пульсация ментального образа и ее проявление в детском фантазировании // Творческое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: мат-лы науч. симпоз., посвящ. 90-летию со дня рождения Л. М. Веккера. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. С. 110–120.
8. *Ричардсон Дж.* Мысленные образы. Сер. «Университетское образование». М.: Когито-Центр, 2006. 175 с.
9. *Carston R.* Metaphor: ad hoc concepts, literal meaning and mental images // Proceedings of the Aristotelian Society. 2010. Vol. 110 (3). P. 295–321.
10. *Camp E.* Two varieties of literary imagination: Metaphor, fiction, and thought experiments // Midwest Studies in Philosophy. 2009. Vol. XXXIII. P. 107–130.
11. *Gentner D., Markman A.* Structure mapping in analogy and similarity // American Psychologist. 1997. Vol. 52. P. 45–56.
12. *Glucksberg S.* Understanding Figurative Language. New York: Oxford University Press. 2001. 134 p.
13. *Davies M.* Idiom and metaphor // Proceedings of the Aristotelian Society. 1982. Vol. 83. P. 67–85.
14. *Осорино М. В.* Экспериментальное исследование образных структур на разных уровнях мыслительной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1976.
15. *Холодная М. А.* Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
16. *Zwaan R. A., Stanfield R. A., Yaxley R. H.* Language comprehenders mentally represent the shapes of objects // Psychological Science. 2002. Vol. 13. P. 168–171.
17. *Horton W.* Using Perceptual Information in Simile Comprehension. Poster presented at the 39th annual meeting of the Psychonomics Society. Dallas TX, 1998.
18. *Richardson D., Matlock T.* The integration of figurative language and static depictions: An eye movement study of fictive. Seminar language and embodiment // Cognition. 2007. Vol. 102 (1). P. 129–138.
19. *Gibbs R.* Proverbial themes we live by // Poetics. 2001. Vol. 29. P. 167–188.
20. *Рахилина Е. В., Карпова О. С., Резникова Т. И.* Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 2009. Вып. 8 (15). С. 420–425.
21. *Winner E., Gartner H.* The Development of Metaphoric Operations. Final Report [microform]: Distributed by ERIC Clearinghouse, 1981.

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2011 г.